

Скромный корифей балканистики

Эта работа о ней, нашей незабвенной Ирине Степановне Достян. Если бы не ее болезнь... Мы, ее ученики и коллеги, так мечтали и надеялись отпраздновать 21 апреля 2020 г. **вместе с ней** ее столетие. Фантастика? Возможно, но ведь мама Ирины Степановны Екатерина Морисовна прожила 101 год; Ксения Владимировна Пичета (дочь учителя И.С. Достян — В.И. Пичеты), с которой она дружила, также отметила свой 100-летний юбилей, а наш бывший коллега по Институту и сектору, участник Великой Отечественной войны Михаил Абрамович Бирман, эмигрировавший в Израиль, незадолго до своего столетия (10 октября 2019 г.) подготовил и издал очередную монографию.

В 2010 г. Ирина Степановна не разрешила нам проводить конференцию в честь ее 90-летия, чтобы, по ее словам, «не формировать совершенно не уместный культ обыкновенной личности». Но она была очень рада прекрасно изданному сборнику «В “интерьере” Балкан», который заранее был подготовлен под редакцией директора Института славяноведения РАН К.В. Никифорова целым коллективом известных ученых, славистов и балканистов, и вручен юбиляру 21 апреля 2010 г. в дружеском кругу в качестве «научного» подарка.

В начале 2012 г. Ирины Степановны не стало. Но все эти годы, прошедшие без нее, она оставалась с нами — мы никогда ее не забывали. Она незримо присутствовала и в жизни Института, в котором проработала более 60 лет, и в жизни тех, кто знал и любил ее. К сожалению, таких людей становится всё меньше...

Но мы не хотим, чтобы имя Ирины Степановны Достян было забыто. Поэтому пользуемся нынешней памятной датой — 100-летием со дня ее рождения, чтобы вновь обратиться к ее биографии и научному творчеству, показать ее вклад в становление и развитие отечественной балканистики и ее роль в истории

Института славяноведения, рассказать о ней нашей молодежи, которая знает И.С. Достян только по ее трудам.

Ирина Степановна Достян относится к тем труженикам отечественной исторической науки, без которых немислимо ее развитие в послевоенный период. И не только по количеству созданных ею трудов — их более ста, в том числе три монографии, разделы в коллективных обобщающих трудах, статьи, очерки, рецензии. Ирина Степановна всю свою творческую жизнь разрабатывала важнейшие проблемы исторического славяноведения и балканистики, начиная с периода Средневековья и заканчивая Великим Восточным кризисом 70-х годов XIX в. Кто-то из ее ровесников выбрал занятия отечественной историей, кто-то «замахнулся» на историю дальнего и даже заокеанского зарубежья, а Ирина Степановна осознанно сделала выбор в пользу «братьев-славян» и «балканских просторов». Это потом, много десятилетий спустя, данные «просторы» назовут «пороховым погребом Европы». А в то время, когда юная Ирина Достян приняла одно из главных решений в своей жизни — изучать историю славян Балканского полуострова, это был малоисследованный и потому чрезвычайно привлекательный для ученых регион. К тому же в 1940-е годы, когда принималось это решение, в советском обществе, после окончания Великой Отечественной войны, были широко распространены симпатии к «братьям-славянам» — результат совместной борьбы против фашизма. Безусловно, это тоже способствовало выбору Ириной Степановной своего творческого пути. Но вернемся к самому началу.

Ирина Степановна Достян родилась в Москве 21 апреля 1920 г. в армянской семье. Ее родители — Достян Степан Григорьевич (1895–1956) и Арутюнова Екатерина Морисовна (1896–1997) — в 1916 г. переселились из Баку в Москву и здесь поженились. А вскоре на свет появились их дочери: старшая Ирина и спустя два года Марина. Отец Ирины Степановны служил в Наркомпищепроме, а мама частным образом брала уроки рисования, затем стала художником-ретушером и работала в различных издательствах. Вот что вспоминала со слов своих родителей Ирина Степановна: «Я родилась в тяжелый, голодный и холодный 1920 год. Родители мои — бакинцы, приехавшие в Москву в 1916 году.

Баку в начале XX века был, кажется, единственным в России процветающим и привлекавшим иностранных инвесторов центром нефтеразработок. Больше половины его жителей составляли армяне и русские. Мои родители учились в русских учебных заведениях, хотя знали и разговорный армянский язык. Мой дедушка по отцу был, как теперь говорят, мелким бизнесменом. Бежав из провинции Шуша, где периодически вспыхивали погромы армян, он завел в Баку небольшую лавку. А дед по матери был бухгалтером одного из нефтяных олигархов, хорошо зарабатывал, купил имение, собираясь разводить розы для производства розового масла. Однако вскоре он разорился, потерял имение; его жена, моя бабушка, умерла от скоротечной чахотки. Оставшихся троих детей взял на свое содержание хозяин деда — нефтяной олигарх. Мама моя провела детство в доме родственницы из интеллигентной семьи. В 1915 году, как известно, в Турции было уничтожено около двух миллионов армян. В Баку также происходили расправы азербайджанцев над армянами. Вероятно, всё это и побудило моих будущих родителей, русскоязычных армян, отправиться в Москву».

В школьные годы Ирина Достян очень любила читать, особенно произведения западной литературы, поэтому после окончания школы в 1938 г. вначале она решила поступать на филологический факультет МГУ. Однако внезапно заболела и не смогла сдать вступительные экзамены — вместо них поехала для поправки здоровья к родственникам в Ереван. В следующем же, 1939 году, она решила поступать не на филологический, а на исторический факультет, и поступила. До войны студентка Достян успела закончить два курса; затем была эвакуация, а с 1943 г. — продолжение учебы.

Ирина Степановна получила отличную профессиональную подготовку, что, разумеется, не могло не сказаться на ее последующей научной работе. Ей посчастливилось слушать лекции выдающихся историков, «людей дореволюционного времени», по словам Ирины Степановны. Среди них — блестящий лектор В.С. Сергеев, отец будущего академика Ю.В. Бромляя; С.Д. Сказкин, в то время декан исторического факультета; медиевист Е.А. Косминский; археолог А.В. Арциховский, стоявший на по-

роге выдающегося открытия — новгородских грамот, обладавший феноменальной памятью (знал всех студентов по имени и фамилии); востоковед, основатель советской школы индоведов и афганистов И.М. Рейснер; неподражаемый Е.В. Тарле с его образным историческим мышлением; академик, автор «Киевской Руси» Б.Д. Греков.

С третьего курса студентка Достян решила специализироваться по кафедре истории южных и западных славян, которую в то время возглавлял крупный ученый Владимир Иванович Пичета (1878–1947). Он и стал ее научным руководителем.

Перед В.И. Пичетой, оказавшимся в 1940-е годы на переднем крае борьбы за новый славистический центр — Институт славяноведения АН СССР, стояло много важнейших и неотложных задач и прежде всего — подготовка научных кадров. «Патриарх отечественного славяноведения», как позднее будут писать о Владимире Ивановиче сначала повзрослевшие, а затем постаревшие его ученики, в эти последние годы своей жизни торопился найти, научить, сформировать будущих историков-славистов. Через много десятилетий один из них, Михаил Абрамович Бирман, вспоминал: «...главное, что... с успехом успел сделать Владимир Иванович на заключительном этапе своей жизни: он воспитал группу молодых, пытливых и неравнодушных учеников, зарядил их энтузиазмом, идеей служения избранному делу, импульсами к поиску новых знаний и новых путей»¹.

Ученицей Владимира Ивановича стала и Ирина Степановна. В 1945 г. она закончила МГУ и поступила в аспирантуру сектора славяноведения Института истории АН СССР. Института славяноведения пока еще не было, хотя чиновничье-бюрократическая машина уже вовсю крутилась — согласования, докладные записки, решения, утверждения и т.д. Научным руководителем аспирантки Достян, как и в МГУ, был В.И. Пичета, который сразу же предложил ей заняться историей Сербии.

Ирина Степановна, как и другие — в 1940-е годы молодые, впоследствии маститые, гордость Института — сотрудники и аспиранты, посещала «пичетники» — семинары, которые Владимир Иванович устраивал у себя дома для своих учеников, подобно профессорам XIX века, например, В.И. Ламанскому. «Пичетни-

ки”, — вспоминала Ирина Степановна, — собирались регулярно, на них обсуждались доклады сотрудников, планы задумываемых трудов, курсовые работы аспирантов и разнообразные научные проблемы, прямо или косвенно затрагивавшие историческое прошлое славянских народов и их связи с Россией»². В «пичетниках» участвовали институтские друзья Ирины Степановны: Владимир Дорофеевич Королюк, Генрих Эдуардович Санчук, Илья Соломонович Миллер, Иван Иванович Удальцов.

Тема кандидатской диссертации И.С. Достян была посвящена социально-экономическим отношениям* в сербской деревне накануне восстания 1804 г., в то время практически не исследованным в отечественной литературе. Это сейчас о предыстории Первого сербского восстания 1804–1813 гг. изданы тома документов и написаны сотни работ. А в конце 1940-х годов добросовестной и трудолюбивой аспирантке пришлось нелегко — ввиду незначительной источниковой базы и малочисленности историографии по теме. И, тем не менее, она справилась с поставленной задачей и в апреле 1950 г. успешно защитила свою первую квалификационную работу.

Защита диссертации проходила в Институте истории АН СССР, так как своего диссертационного совета в Институте славяноведения еще не было. Защиты тогда были довольно редким событием и поэтому привлекали всеобщее внимание. Как вспоминала Ирина Степановна, это мероприятие проходило более торжественно и значительно, чем позднее, в официальной части, и гораздо проще и веселее в неофициальной, то есть во время банкета. Кстати, последний имел место не в день защиты, а значительно позже — летом, в июне, на даче тогдашней заведующей аспирантурой Г.С. Можаровой. В тот незабываемый день сразу четверо молодых ученых — Ирина Степановна Достян, Любомир Борисович Валеv, Василий Дмитриевич Конобеев и Генрих Эдуардович Санчук — отмечали свою кандидатскую степень. Прямо на траве было расставлено скромное угощение — плавленые сырки, хлеб, винегрет. Тогда это было в порядке вещей. Но главное — всем было очень весело. Молодежь шутила, танцевала.

* Социально-экономическая тематика в те годы являлась в советской исторической науке одной из приоритетных.

Более старшее поколение от них не отставало, и даже чопорный, сдержанный профессор Сергей Александрович Никитин, один из «отцов-основателей» Института славяноведения, в праздничной белой рубашке лихо отплясывал вприсядку, по словам очевидцев.

В это время Ирина Степановна уже являлась сотрудницей Института славяноведения АН СССР: она была зачислена в штат 30 декабря 1948 г.

В 1950-е годы появились первые научные работы Ирины Степановны (прежде всего это были, конечно, материалы ее кандидатской диссертации) — в «Кратких сообщениях Института славяноведения Академии наук СССР» (1951. № 2) и в «Ученых записках Института славяноведения (Академия наук СССР)» (1952. Т. VI). Вместе с тем Ирина Степановна уже приступила к работе над новой темой, связанной с борьбой южнославянских народов против турецкой экспансии. И первая ее статья по данной проблематике была опубликована в журнале «Преподавание истории в школе» (1951. № 5) под названием «Южные славяне под игом турок в XV–XVIII вв.». Вскоре появились еще две работы на эту же тему — в «Византийском временнике» (1953. Т. 7) и в «Истории средних веков» (М., Госполитиздат, 1954). И эти публикации были вполне объяснимы, так как с начала 1950-х годов Ирина Степановна интенсивно работала над своей первой монографией.

Но так уж повелось в нашем Институте и, судя по всему, с давних пор, что исследователю время от времени приходится как бы раздваиваться и, наряду со своей «родной» темой, заниматься тем, на что укажет начальство. В данном случае оно указало на «Историю Болгарии». И хотя Ирина Степановна была принята в Институт как специалист по истории Сербии, ей было поручено написать для I тома готовившегося фундаментального труда, первого из «Историй» славянских стран, две главы: «Болгарский народ после завоевания Турцией (XV — первая половина XVI в.)» и «Болгарский народ под турецким игом в период упадка военно-феодальной Османской империи (конец XVI — первая половина XVIII в.)».

Участвовать в таком проекте было весьма ответственно и очень непросто для молодого сотрудника, но Ирина Степанов-

на успешно справилась со всеми трудностями. И, возможно, еще сама того не сознавая, работая над «своими» главами, она не только приобрела новые знания, в данном случае по истории средневековой Болгарии, но и вступила на собственный научный путь — путь в балканистику.

А для меня, как биографа и исследователя научного творчества Ирины Степановны Достян, в этом случае с «Историей Болгарии», прежде всего, важен момент, связанный с безотказностью, ответственностью и обязательностью моей «героини». Неслучайно за десятилетия работы в Институте она сумела приобрести репутацию «палочки-выручалочки». Руководители авторских коллективов целого ряда институтских обобщающих трудов вздыхали с облегчением, если она соглашалась войти в их «научный круг», ибо знали, что Ирина Степановна не подведет — напишет свой раздел или главу точно в срок и лучше, чем нужно.

А в первом своем коллективном труде (I том «Истории Болгарии» вышел в 1954 г.) исследовательница рассмотрела важнейшие вопросы средневековой болгарской истории: положение болгар под властью турок с XV — до середины XVIII вв.; развитие сельского хозяйства, городов, ремесла и торговли в болгарских землях; основные формы и особенности борьбы болгар и соседних с ними народов против власти османов. В распоряжении Ирины Степановны было совсем немного литературы — дореволюционной русской и современной болгарской. Использовала она также свидетельства путешественников и опубликованные болгарские источники (Документи за българската история. Т. VIII. София, 1940). Но несмотря на скудость источниковой базы и, безусловно, «классовый подход» к описываемым событиям (другого в начале 1950-х годов и быть не могло), Ирине Степановне удалось реконструировать события в болгарских землях в те далекие столетия. Уже в этом труде проявился сдержанный, настоящий академический стиль, который отличал Ирину Степановну от других авторов, стиль ученого-аналитика, идущего к выводам и обобщениям от источника.

Не обошла своим вниманием Ирина Степановна и вопрос о политических и культурных связях Болгарии с Россией. С конца XV в. среди болгар начала распространяться легенда о «дядо

Иване», в образе которого, как пишет исследовательница, «болгарский народ олицетворял свои представления о великом русском народе, о сильном Русском государстве»³.

В современной историографии фактов о русско-болгарских связях эпохи Средневековья опубликовано уже немало. А в начале 1950-х годов ситуация была совершенно иная. И, тем не менее, Ирина Степановна сумела на основе немногочисленных документов представить запоминающуюся картину взаимоотношений далеких предков русских и болгар, подчеркнув при этом, что с конца XVII в. эти связи, ранее ограничивавшиеся преимущественно культурным общением, стали приобретать политический характер. И в заключение — важный вывод, который впоследствии будет неоднократно подтвержден и развит в работах Ирины Степановны и других отечественных историков: «В условиях иноземного гнета болгар и эллинизаторской политики греческого духовенства, грозивших болгарам денационализацией, культурные связи с Россией способствовали сохранению болгарской письменности, богослужения на родном языке, а войны России с Турцией подтачивали основы Османской империи и играли большую роль в развитии освободительного движения балканских народов, в том числе болгар»⁴.

Следует отметить, что работа над главами для «Истории Болгарии», как бы она ни была важна, не могла отвлечь Ирину Степановну от главного труда на этом, начальном, этапе ее научной деятельности, посвященного борьбе угнетенных балканских народов, в первую очередь сербского, против турецкой экспансии. После первых статей на эту тему, уже упоминавшихся выше, в 1958 г. была опубликована её монография «Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в.» — одна из первых книг в советской историографии по югославянской тематике.

При изучении данной темы Ирина Степановна включила в сферу своего исследования все области Балканского полуострова, населенные в XV — начале XIX вв. сербами, — собственно Сербию, Старую Сербию, Банат, Бачку, Баранью, Срем. В монографии прослежены основные этапы завоевания турками Балкан. При этом автор справедливо подчеркивает, что оно «нарушило

ход исторического прогресса сербов и других балканских народов», «привело к регрессу в развитии производительных сил, к консервации феодальных отношений»⁵.

Ирина Степановна последовательно рассмотрела в этой книге целый комплекс важнейших вопросов: положение сербских земель под властью Турции; освободительное движение в сербских землях в XVI—начале XVII вв.; борьба сербов за освобождение во время войны «Священной лиги» с Турцией, а также во время войн России и Австрии с Турцией в XVIII в.; особенности социально-экономического развития северной Сербии во второй половине XVIII—начале XIX вв. и рост национального движения в данном регионе; начало Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Таким образом, речь в этом труде идет о всех важнейших проблемах сербской истории в течение четырех столетий!

Как-то, во время одной из наших бесед, Ирина Степановна, с присущей ей скромностью и высочайшей требовательностью к себе как к историку, назвала свою первую монографию «научно-популярной». Уважая ее мнение, вместе с тем позволю себе с ним не согласиться. На мой взгляд, по всем критериям, это серьезная научная работа, написанная прекрасным литературным языком. Фактически это история Сербии XV — начала XIX вв., изучение которой в советской историографии тогда только начиналось, а многочисленные архивные фонды еще ждали своих пытливых исследователей.

Вновь и вновь обращаясь к этой книге Ирины Степановны, поражаешься точности ее наблюдений и глубине выводов, многократно впоследствии подтвержденных, с открытием новых документов. Среди этих заключений хотелось бы, прежде всего, выделить тезис о роли внешнего фактора в различные периоды борьбы сербов за свое освобождение. «До конца XVIII в. антитурецкие выступления в Сербии, — пишет Ирина Степановна, — возникали обычно во время войн европейских государств с Турцией, и судьба восстаний зависела от исхода этих войн. С начала XIX в. внутренние силы сербского народа настолько созрели, что международные события уже не имели определяющего значения. Так, восстание в Белградском пашалыке вспыхнуло (в 1804 г. — С.Д.), несмотря на неблагоприятную внешнеполити-

ческую обстановку»⁶. Заслуживает внимания и положение о том, что «участие в австро-турецких войнах дало возможность сербам приобрести значительный военный опыт»⁷.

Обратившись к начальному этапу национально-освободительной борьбы сербского народа против власти османов, Ирина Степановна указала ряд причин, которые, по ее мнению, существенным образом ее облегчали: крайнее положение Белградского пашалыка в системе европейских владений Турции; тесные связи его населения с австрийскими сербами, позволявшие повстанцам тайно получать из Австрии военное снаряжение, оружие и помощь людьми. Но главным было то, что северная часть сербских земель являлась экономически менее зависимой от Османской империи, чем Греция, Болгария и Босния. Это обусловило меньшую заинтересованность сербов в турецком рынке, помогло им быстрее осознать свои национальные исторические задачи, важнейшей из которых, безусловно, являлось «ниспровержение владычества средневекового Турецкого государства, препятствовавшего дальнейшему общественно-экономическому прогрессу сербской нации»⁸. Кроме того, в результате австро-турецких войн и 20-летней оккупации Белградского пашалыка Австрией позиции турецких феодалов здесь были заметно ослаблены, а система турецкого управления подорвана. Особое внимание Ирина Степановна уделила роли местного самоуправления в жизни Белградского пашалыка. Она подчеркнула, что органы местного самоуправления располагали реальной властью, ограничивая вмешательство турецких властей в управление на местах. Именно они впоследствии сыграли важную роль в борьбе сербов за свою автономию и в подготовке восстания 1804 г.⁹.

Ввиду ее многочисленных достоинств, монография И.С. Достян, несмотря на свой солидный «возраст», до сих пор не устарела и заслуживает самой высокой оценки. Так, в юбилейном сборнике в честь 90-летия Ирины Степановны «В “интерьере” Балкан» его ответственный редактор К.В. Никифоров подчеркнул: «... и через 50 с лишним лет, прошедших после выхода книги в свет, она осталась добротным академическим исследованием»¹⁰.

В 1963 г. был издан I том фундаментального академического труда «История Югославии», автором и одним из четырех редак-

торов которого являлась И.С. Достян. Этому знаменательному событию в истории отечественной югославистики предшествовала, по отзывам создателей труда, долгая и сложная работа. Перу Ирины Степановны в нем принадлежат семь глав, в которых последовательно представлены: история сербских земель в VII–XI вв. (гл. 5), история Сербского государства, Македонии и Дубровницкой республики в XII–XVI вв. (гл. 8, 9, 11), история югославянских народов под властью Турции (гл. 15), а также развитие Дубровницкой республики и сербов Воеводины в XVI–XVIII вв. (гл. 16, 19). Безусловно, такой широкий охват исследуемых проблем, начиная с древности и заканчивая XVIII в., был невероятно сложен для исследователя. Но это была отличная школа для Ирины Степановны, всегда отличавшейся огромной исторической эрудицией, прекрасным знанием истории большинства балканских народов и ставшей позднее одним из первых в нашей стране историков-балканистов.

Обращаясь к этому труду Ирины Степановны, следует, прежде всего, отметить, что в своей тогдашней работе она во многом шла «по целине», да еще начиная с VII в. И, тем не менее, ей удалось представить все основные эпохи и события в истории югославянских народов. Среди них: византийское господство над сербскими землями; освобождение сербского народа от византийской зависимости в конце XII в.; расширение и укрепление Сербского государства в XIII–первой половине XIV вв. При этом Ирина Степановна рассмотрела события внутренней истории Сербии на широком международном фоне, уделив немало внимания ее отношениям с Боснией, Венгрией, Венецией, католической церковью.

Автору уже опубликованной к тому времени монографии о борьбе сербского народа против турецкого ига, разумеется, было нетрудно написать соответствующий раздел в «Истории Югославии». Что Ирина Степановна и сделала, выделив основные этапы турецкой экспансии на Балканах, начиная со второй половины XIV в. При этом ею была подчеркнута отрицательная роль турецкого завоевания в исторической судьбе югославянских народов, которое нарушило и задержало ход их общественно-экономического развития. Весьма подробно исследовательница

рассмотрела ту систему отношений, которая установилась у балканских народов после турецкого завоевания, отметив, что всё было приспособлено к нуждам военно-феодалного Турецкого государства.

Заслугой Ирины Степановны является и то, что в этом труде она много внимания уделила истории Черногории, борьбе черногорцев за свое освобождение от власти Турции и установлению в первой половине XVIII в. их связей с Россией.

Исключительно интересно представлена история Дубровницкой республики в XIII — начале XIX вв. (в 1808 г. Дубровницкая республика перестала существовать). На страницах 11-й и 16-й глав перед читателем разворачивается панорама важнейших событий в жизни этого уникального города, основного центра торговли и всевозможных денежных операций на восточном побережье Адриатики, единственного на Балканах в ту пору, отмечает Ирина Степановна, экономическое развитие которого шло в ногу с некоторыми итальянскими городами¹¹.

Перу Ирины Степановны также принадлежат два раздела, написанные в сжатой форме, — о средневековой Македонии и ее драматической судьбе, а также о сербах Воеводины, создании Военной границы и нелегком положении сербов в Габсбургской монархии, которые, тем не менее, активно боролись за свои национальные и политические права, что во многом помогло им, как национальному меньшинству, сохранить свой язык, культуру и уклад жизни.

«История Югославии» явилась очень важным этапом в научной деятельности Ирины Степановны. Многие ее главы представляют собой как бы развернутый план ее будущих работ, словно уже тогда она намечала те основные направления, по которым будет «шагать» в югославиистику и балканистику.

В 1960-е годы (помимо завершения работы в качестве автора и редактора I тома «Истории Югославии») главным направлением научных изысканий И.С. Достян становится тема российско-балканских связей и балканской политики России в первой трети XIX в. Задача, поставленная исследовательницей, была невероятно сложной, ибо в отличие от ее коллег по сектору, которые изучали отношения с Россией отдельных балканских народов, ей

предстояло охватить весь регион в целом, включая турок, греков, молдаван и валахов.

Написанию целой серии статей по вышеуказанной тематике предшествовала интенсивная и кропотливая работа в архивах Москвы и Ленинграда. В этот период Ирина Степановна выявила сотни уникальных документов — так создавалась источниковая база для ее будущих трудов. Многочисленные, еще никому не известные эпизоды из истории русско-сербских, русско-черногорских, русско-греческих и русско-молдаво-валашских связей складывались в общую яркую и впечатляющую картину, которая дополнялась теоретическими обобщениями и аргументированными выводами. И как итог — подготовка второй индивидуальной монографии: «Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.» (М., 1972), которая была защищена в качестве докторской диссертации в марте 1973 г.

Впоследствии, в 1980-е годы, в Институте наиболее значимыми, важными и престижными будут считаться коллективные обобщающие труды по различным проблемам и обязательно по региону в целом. Для XIX века этот замысел был блестяще воплощен в серии трудов под общим заглавием «Международные отношения на Балканах». Однако книга Ирины Степановны «Россия и балканский вопрос», создававшаяся в конце 1960-х годов, была не коллективным, а одним из первых индивидуальных обобщающих трудов, и поэтому ценность этой «первой ласточки» отечественной балканистики очень велика.

Несомненной заслугой Ирины Степановны является то, что в своей второй монографии она выделила балканский вопрос в самостоятельный объект исследования, как часть Восточного вопроса, занимавшего значительное место в системе международных отношений XIX века.

Важной предпосылкой глубокого и целостного рассмотрения политики России на Балканах является ее научно обоснованная периодизация. Ирина Степановна обозначила четыре этапа, которые прошла в своем развитии русская политика на Балканах в конце XVIII — первой трети XIX вв. На каждом из них выдвигались самостоятельные, конкретные задачи, появлялись специфические политические программы.

Первый период, начавшийся русско-турецкой войной 1768–1774 гг., длился до конца XVIII в. Он характеризовался усилением противоречий между Россией и Османской империей, что привело к двум русско-турецким войнам. В это время значительную роль в балканской политике России начали играть Дунайские княжества.

Второй период — 1798–1812 гг. — наполеоновские войны. Его особенность — сближение России и Турции (до 1806 г.). Оба государства объединились перед угрозой французской агрессии, их противоречия были отодвинуты на задний план. Этот период характеризовался также быстрым расширением контактов с балканскими народами, поддержку которых царизм использовал в борьбе против Наполеона. Сфера русской активности в Балканском регионе, помимо Дунайских княжеств, распространялась на Ионические острова, Черногорию, Сербию и материковую Грецию. «В целом, — делает вывод Ирина Степановна, — русская политика в отношении балканских народов, находившихся под властью Турции, в течение первых двенадцати лет XIX в. была подчинена главной задаче — борьбе с наполеоновской Францией. Именно поэтому она была достаточно активной. Независимо от стремлений и целей русского самодержавия, Россия в это время стала оказывать значительное влияние на развитие национально-освободительного движения народов Балканского полуострова, на процесс возникновения их национальных государств»¹².

Третий период — от Бухарестского мира 1812 г. до 1821 г., начала греческой революции, — характеризовался стремлением царского правительства избежать новой войны с Портой, что объяснялось трудным внутренним положением Российской империи. В своей монографии Ирина Степановна выразила несогласие с высказывавшимися ранее утверждениями¹³ — будто царизм уже с конца 1815 г. готовился к решению ряда ближневосточных проблем, и обосновала следующий вывод: в этот период царское правительство не стремилось к территориальной экспансии на Балканах, а главную свою цель видело в упрочении тех успехов, которые были достигнуты в ходе войн с Турцией в предшествующие 50 лет.

Следует отметить, что в 1960–1970-е годы в советской историографии почти не была изучена балканская политика России именно этого периода (1812–1821 гг.). Поэтому ее глубокий анализ в монографии Ирины Степановны стал настоящим научным открытием. Автором были введены в научный оборот материалы, свидетельствовавшие о том, что Петербургом предусматривалось создание в Сербии конституционного устройства; то же самое намечалось и для Дунайских княжеств. Таким образом, в арсенале политических приемов, применявшихся царизмом на Балканах в XIX веке, была и конституционалистская политика, с помощью которой русское правительство собиралось опереться на более широкие слои балканского населения.

Четвертый этап балканской политики России в первой трети XIX в. — это период Восточного кризиса 1820-х годов, характеризовавшийся новым обострением Восточного вопроса. В эти годы «русская политика не была однотипной, менялась по своим целям и методам»¹⁴. В начале кризиса, вызванного восстанием 1821 г. в Греции, царское правительство, связанное обязательствами по Священному союзу, осудило «мятежных» греков. Однако революционные события на Балканах привели к резкому обострению русско-турецких отношений. Ирина Степановна отмечает, что в связи с закрытием Черноморских проливов для кораблей, плававших под русским флагом, существенным образом были задеты экономические интересы российских помещиков и купцов. Именно поэтому проблема Проливов, которая в предшествующий период не занимала значительного места в русско-турецких разногласиях, теперь выступила на первый план. И как результат — «созрели все причины, предreshавшие неизбежность новой русско-турецкой войны»¹⁵. При этом автор подчеркивает, что царское правительство не стремилось доводить дело до распада Османской империи, предпочитая урегулировать русско-турецкие противоречия в дипломатических сферах, и решилось на войну только тогда, когда другого выхода не оставалось.

1820-е годы характеризовались активной политикой всех великих держав. При этом Россия оказалась в полной изоляции. Отсюда важный вывод, к которому пришла Ирина Степановна: «Восточный кризис 20-х годов сделал ясным, что принципы

Венской системы несовместимы с интересами русской политики в отношении Турции и балканских народов»¹⁶. Петербург осознал необходимость перехода к более активному и самостоятельному курсу. Эта задача была практически осуществлена после прихода к власти Николая I.

Победа России в войне с Турцией 1828–1829 гг. означала завершение Восточного кризиса. О его итогах И.С. Достян пишет следующее: «Было создано независимое Греческое государство. Царское правительство получило возможность добиться осуществления на практике своей программы политической перестройки владений Турции, которая была впервые намечена Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г. и с тех пор непрерывно расширялась и конкретизировалась в последующих русско-турецких договорах и соглашениях»¹⁷.

В монографии И.С. Достян рассмотрен целый ряд ключевых вопросов, в том числе о роли России в формировании балканской государственности. Как писал В.Н. Виноградов, И.С. Достян «внесла немалый вклад в изучение внешнеполитического курса России на Балканах — не в стремлении к территориальным захватам он заключался, а в подвижнической деятельности по возрождению их государственной жизни»¹⁸.

Стремясь добиться утверждения своего влияния на Балканах, царизм должен был в определенной мере считаться с особенностями общественно-экономических отношений у отдельных народов. Именно этим, по мнению Ирины Степановны, и можно объяснить тот парадоксальный, на первый взгляд, факт, что на протяжении первой трети XIX в. русский царизм, один из наиболее реакционных режимов Европы, державший в рабстве собственный народ, оказывал положительное влияние на процесс формирования национальных государств на Балканах и их развитие по капиталистическому пути. В то же время, подчеркивает исследовательница, официальный Петербург неизменно искал точку опоры в наиболее консервативных слоях балканского общества. Материал, приведенный в монографии, позволил ее автору опровергнуть сложившееся в западной историографии представление о русской политике в Восточном вопросе как всегда агрессивной, имевшей целью территориальную экспансию,

и обосновать вывод о том, что политика России в отношении Турции и балканских народов в первой трети XIX в. была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображалось уже в XIX веке, а также позднее, в работах ученых XX столетия¹⁹.

Бесспорной заслугой Ирины Степановны, ее ценным вкладом в историографию проблемы явилось также исследование особенностей политического развития отдельных балканских народов. Впервые в отечественной историографии в книге было показано, что национальные элиты Сербии, Дунайских княжеств и Греции уже в начале XIX в. не собирались далее мириться со своим угнетенным положением в составе Османской империи, а имели собственные планы национального освобождения и будущего государственного устройства. И с этим руководители российской внешней политики не могли не считаться.

И, наконец, очень важным, на мой взгляд, является тезис автора о том, что при изучении темы «Россия и балканский вопрос» «необходимо четко разделять 1) реальные внешнеполитические акции, имевшие результаты, и 2) постоянно возникавшие, чрезвычайно разнообразные по идеям проекты и предложения, которые так и не были осуществлены»²⁰. Но тем не менее, отмечает Ирина Степановна, некоторые из этих противоречивых, а иногда и фантастических проектов стали поводом для «складывания ошибочных, стереотипных представлений о задачах политики России в отношении Турции и балканских народов»²¹.

Книга, в которой Ирина Степановна впервые в историографии представила целостную картину балканской политики России первой трети XIX в., попутно исследовав целый ряд не изученных ранее вопросов (например, о русско-черногорских отношениях в 1814–1821 гг.), стала значительным явлением в отечественной балканистике. Она наглядно отразила переход исследователей к комплексному изучению балканской проблематики XIX века.

1970-е годы были весьма плодотворными в научном творчестве Ирины Степановны. Одна за другой выходят содержательные статьи, а их автор регулярно выступает с результатами своих изысканий на симпозиумах и конференциях, в том числе

за рубежом. Имя И.С. Достян уже хорошо известно в научных кругах балканских стран, прежде всего в Югославии и Болгарии. С большим уважением к Ирине Степановне относились болгарские ученые — академик Николай Тодоров и Крумка Шарова, а также югославские коллеги — академик Славко Гаврилович, академик Васа Чубрилович, Неманя Маджаревич, Климент Джамбазовски, Раде Петрович, Радован Йованович и др.

После защиты докторской диссертации в 1973 г. Ирина Степановна интенсивно работала над новой, третьей по счету, монографией. Вышедшая в 1980 г. под названием «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов», она явилась логическим продолжением ее предыдущего труда. Однако если в книге «Россия и балканский вопрос» в центре внимания исследовательницы находилась деятельность российской дипломатии, то теперь главным объектом научного анализа стали вопросы российско-балканских общественных связей первой трети XIX в.

До Ирины Степановны русско-балканские контакты указанного периода были изучены недостаточно и фрагментарно. Более того, в историографии сложилось мнение, что на рубеже XVIII–XIX вв. «говорить о какой-либо роли балканских народов, их национально-освободительного движения в русской идеологической жизни преждевременно»²². Выступив против данной трактовки, Ирина Степановна указала на необходимость детально проанализировать происходивший в этот период процесс ознакомления русской общественности с историей и настоящим положением населения Европейской Турции, проследить, как складывались в России представления об этнокультурной и исторической общности между славянскими народами. При этом исследовательница полемизирует с теми западными учеными, которые любое проявление интереса в русском обществе к славянским и балканским народам связывали с панславистскими идеями.

В монографии представлена эволюция изображения балканских народов в русской литературе XVIII века, начиная с эпохи Петра I, и в этой связи дан анализ исторических трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, а также произведений других авто-

ров — русских и зарубежных. Особое внимание уделено отношению к истории и культуре балканских и славянских народов первого русского революционера А.Н. Радищева. Этот вопрос до Ирины Степановны фактически не был исследован. В соответствующем разделе ее монографии введен в научный оборот целый ряд новых документов, прежде всего переводы иностранных сочинений, выполненные Радищевым, и примечания к ним, в которых содержатся его мысли относительно славянской общности. Под этим же углом зрения Ирина Степановна проанализировала поздние поэтические произведения Радищева. В частности, в его незаконченной поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801–1802) ярко отразились, по ее мнению, понимание Радищевым значения этнической и культурно-исторической общности славян, его интерес к проблеме славянского родства как фактору в развитии политических и культурных контактов²³.

В итоге Ирина Степановна приходит к выводу, что Радищев являлся противником экспансионистских планов царизма в отношении Константинополя и Проливов, а зарубежные славянские народы интересовали его как этнически родственные, имевшие в какой-то степени сходные национальные задачи. Такой подход, подчеркивает автор, «для своего времени был уникальным»²⁴.

Эта монография Ирины Степановны занимает, на мой взгляд, особое место в ее научном творчестве. И связано это, в первую очередь, с привлечением в качестве источника по истории русско-балканских связей материалов русской общественно-политической литературы и периодики первых десятилетий XIX в. Разумеется, историки прекрасно знают, что русская периодическая печать содержит немало исключительно интересных сведений о контактах русского и других народов. Но почему-то ранее считалось, что периодика начала XIX в. малоинтересна с точки зрения своих заграничных связей, а балканских в особенности. Ирина Степановна не согласилась с данным мнением и приступила к изучению публицистики по балканской тематике, отдав этой весьма трудоемкой работе очень много времени и сил. И была за это сторицей вознаграждена как ученый, ибо на страницах газет и журналов начала XIX столетия обнаружила настоящие

сокровища — уникальные свидетельства русско-балканских общественных связей. Конечно, их публиковалось не так много, как в последующие десятилетия, например, в 1860–1870-е годы, но они были и после издания трудов Ирины Степановны (в том числе за рубежом — в Болгарии, Югославии, Румынии) стали достоянием науки. Материал по балканской тематике в русской периодической печати, подчеркивает автор, «не исчерпывающ, но, основываясь на нем, можно получить достаточно ясное представление — как в русской публицистике изображались балканские народы и события, происходившие в турецких владениях»²⁵.

Заслугой Ирины Степановны, безусловно, является тщательное изучение содержания как известных изданий: «Русская старина», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Библиографические листы», так и малоизвестных и почти совершенно не исследованных: «Северные Цветы», «Военный журнал», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Московский телеграф».

Лидером по «балканским» публикациям был журнал «Вестник Европы». В 1802–1804 гг. его издателем и редактором являлся Н.М. Карамзин. В результате изучения материалов периодики Ирина Степановна пришла к выводу, что наибольший интерес «Вестник Европы» и другие издания проявляли в начале XIX в. не к славянам, а к грекам, народу-фавориту всей «просвещенной Европы» того времени. Остальные балканские народы занимали в русских изданиях гораздо меньше места. И еще одно важное заключение: «... в публицистике второй половины 1810-х гг. балканская тема большей частью подавалась в аспекте сочувствия освободительным стремлениям национально угнетенных народов. Внимание российской общественности, особенно прогрессивной, к балканским событиям... резко возросло с началом в 1821 г. революционных событий в европейских владениях Османской империи и возникновением под воздействием их Восточного кризиса 1820-х гг.»²⁶.

Несомненным достоинством книги Ирины Степановны являются и яркие, запоминающиеся портреты целого ряда русских исторических деятелей, имевших в начале XIX в. контакты с представителями балканских народов, поборников оказания

Россией помощи своим «единоверцам»: А.А. Самборского, В.Ф. Малиновского, В.Н. Каразина, А. Полева, А.М. Спиридова.

Впечатляет историко-биографический очерк об Андрее Афанасьевиче Самборском (1732–1815), влиятельном придворном священнике, образованном, энергичном и талантливом человеке, законоучителе и преподавателе английского языка русских великих князей (в том числе будущего императора Александра I), духовника великой княжны Александры Павловны, будущей жены венгерского палатина эрцгерцога Иосифа. Изучив архив Самборского, Ирина Степановна пришла к выводу, что этот деятель «сыграл немалую роль в расширении политических и общественных связей России с балканскими народами». Интересно, что она сравнивает Самборского с Михаилом Федоровичем Раевским (1811–1884), который несколько десятилетий спустя, будучи настоятелем русской посольской церкви в Вене, установил обширные контакты с национально-общественными и политическими деятелями славянских народов в Османской империи и Габсбургской монархии²⁷.

Не менее ярко представила Ирина Степановна еще одну выдающуюся личность, оригинального мыслителя, первого директора Царскосельского лицея Василия Федоровича Малиновского (1765–1814). Он был участником Ясского конгресса, завершившего русско-турецкую войну 1787–1791 гг., а также генеральным консулом России в Молдавии и Валахии в начале XIX в. Как показала Ирина Степановна, немалое место в его взглядах занимали идеи социально-политической перестройки Юго-Восточной и Центральной Европы. Анализ творчества Малиновского, на основе его опубликованных сочинений и новых архивных документов, позволил исследовательнице говорить о нем как «об одном из зачинателей идеи славянского единения в русской общественной мысли», не связанной у него «со столь обычной для позднейших концепций такого рода идеализацией славянской общности, с противопоставлением славян другим нациям Европы, с националистическими устремлениями»²⁸. Впервые в историографии Ирина Степановна подробно рассмотрела идеи Малиновского о политическом самоопределении народов, создании национальных государств и их федеративных союзах. И как результат ее

изысканий и размышлений — следующий очень важный вывод: «Подход выдающегося русского просветителя-демократа и гуманиста к вопросу о национальном освобождении и политическом будущем народов Юго-Восточной и Центральной Европы как бы предварял и идеологически подготавливал позицию, которую впоследствии заняли декабристы»²⁹.

Галерею исторических портретов, представленных в третьей монографии Ирины Степановны, безусловно, украсили яркие жизнеописания и других выдающихся русских деятелей, ученых и мыслителей. Среди них: Василий Назарьевич Каразин (1773–1842), автор ряда научных открытий, основатель Харьковского университета, сторонник оказания Россией помощи сербам в деле их освобождения и создания Сербского независимого государства; Александр Полев (1757–1818), «странный отставной майор», как пишет Ирина Степановна, впервые в историографии создавшая его портрет на основе открытых ею архивных материалов. Полев был ярким противником Наполеона, его «тиранической власти» в Европе, автором многочисленных философских трактатов и внешнеполитических проектов, которыми досаждал даже царю. Их главная идея — необходимость осуществления Россией своей освободительной миссии в отношении угнетенных славянских и других европейских народов.

Весьма интересен и исторический портрет малоизвестного ранее Алексея Матвеевича Спиридова (1785 или 1786–1830?), автора обширной статьи «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи» (журнал «Северный архив», 1825 г.), написанной на основе его личных впечатлений от общения с представителями балканских народов в 1818–1823 г. Ирина Степановна отдает должное стремлению А.М. Спиридова «осмыслить реально существующие общности и различия в сложнейшей демографической структуре Балканского полуострова»³⁰, хотя и определяет его представления как ошибочные и упрощенные.

Ирина Степановна рассмотрела также взгляды по балканскому вопросу С.М. Броневского, П.П. Свиньина, А.С. Кайсарова, А.И. Тургенева и др. Многие из приведенных ею материалов представляют интерес и для истории отечественной славистики,

например, незавершенный труд А.С. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий». Его автор, по мнению исследовательницы, «один из первых русских ученых, который попытался определить основные задачи и методы славяноведения»³¹.

Разумеется, в книге, посвященной отражению в русской общественной мысли балканского вопроса в первой трети XIX в., Ирина Степановна не могла обойти своим исследовательским вниманием тему «Декабристы и революционное движение на Балканах». В её историографию, представленную в советский период работами М.В. Нечкиной, Б.Е. Сыроечковского, С.С. Ланды, О.В. Орлик, А.В. Фадеева, Г.Л. Арша и др., Ирина Степановна внесла свой важный вклад, высказав при этом ряд новых суждений.

Декабристы сочувствовали всем народам, боровшимся за свое социальное и национальное освобождение, в особенности находившимся под властью османов, и прежде всего греческому. Ирина Степановна подчеркнула, что оказание помощи грекам, боровшимся в начале 1820-х годов за политическую независимость, явилось одним из основных требований, выдвигавшихся декабристами в области внешней политики, и вслед за тем подробно рассмотрела взгляды ряда декабристов — А.В. Поджио, В.И. Штейнгеля, П.И. Пестеля и др. — в связи с революционными событиями на Балканах.

При всех неясных и спорных моментах, связанных с деятельностью в 1820–1821 гг. членов декабристской организации в Кишиневе, остается несомненным, по мнению автора, то, что они имели непосредственные контакты с руководителями греческой тайной организации Филики Этерия и стремились использовать революционные события на юго-востоке Европы, русско-турецкую войну в борьбе против царизма. Версию, которую выдвинул С.С. Ланда, — о существовании соглашения между руководителем этеристов А. Ипсиланти и командиром 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии, генерал-майором М.Ф. Орловым о совместной подготовке восстания греков, Ирина Степановна считала неосновательной. Вместе с тем, по её мнению, «можно полагать, что Орлова привлекала мысль сочетать дело освобождения народов Юго-Восточной Европы — от национального гнета и народов России — от оков самодержавия»³².

Рассматривая отражение балканского вопроса во внешнеполитических планах П.И. Пестеля, Ирина Степановна отметила ряд неточностей, прочно закрепившихся в литературе. Так, она скрупулезно проанализировала большой массив документов о служебной деятельности Пестеля в 1821 г. (командировки в Бессарабию) и пришла к выводу, что мнение, будто бы русский революционер намеревался оказывать практическую помощь восставшим грекам, произвольно. По её убеждению, речь шла лишь «о разработке с участием Пестеля правил приема на русской границе беженцев из княжеств (Дунайских. — С.Д.)»³³.

В монографии рассмотрен также вопрос об авторстве и назначении известной записки «Царство Греческое», найденной в архиве П.И. Пестеля. Он относится в отечественной историографии к числу дискуссионных. Так, Б.Е. Сыроечковский считал, что по содержанию этот документ походит на незаконченный проект политической перестройки Балканского полуострова после падения власти турок и ликвидации австрийских владений на побережье Адриатического моря. Имелось в виду создание государства федеративного или разделенного на области, пользующиеся значительной самостоятельностью. По мнению Б.Е. Сыроечковского, записка «Царство Греческое» являлась личным творчеством Пестеля и была составлена на случай активного вмешательства России в греко-турецкий конфликт³⁴. В противоположность этой точке зрения М.В. Нечкина утверждала, что документ — не личное творчество Пестеля, а одно из предложений этеристов, с которыми Пестель общался во время командировок в Бессарабию весной 1821 г., и что он отражает взгляды на политическое будущее освобожденных от власти османов земель наиболее умеренного течения греческого освободительного движения³⁵. По мнению же Ирины Степановны, «записка — не плод творчества одного лица — Пестеля или какого-либо этериста, а результат обдумывания балканской проблемы вождем Южного общества и каким-то греческим деятелем, совмещающий их взгляды в этом вопросе»³⁶. При этом исследовательница дала новую (отличную от Б.Е. Сыроечковского) датировку записки — не июль–август, а март–апрель 1821 г., исходя из ее содержания и анализа событий на Балканах. Весьма интересна оценка этого

документа в рассматриваемой монографии. Во-первых, Ирина Степановна отметила, что в записке достаточно определенно выражены филэллинские тенденции решения балканской проблемы, и это было весьма характерно не только для декабристов, но и для многих прогрессивных деятелей России того периода. Во-вторых, по её мнению, проект «Царство Греческое» был «нереальным», ибо «сам замысел объединения в одном государстве областей, очень разнородных по общественно-экономическому укладу, национальному составу населения, был утопичен и не соответствовал тенденциям исторического развития народов Юго-Восточной Европы»³⁷.

В заключительной части монографии рассмотрены идеи единения славянских народов и представления об их этнической общности, имевшие место в русской общественной мысли в 1815–1825 гг. В частности, подробно прослеживается эволюция взглядов по славянскому вопросу в самой декабристской среде, особенно в программе «Общества соединенных славян», главным идеологом и руководителем которого являлся подпоручик П.И. Борисов, наиболее последовательный приверженец идеи объединения славянских народов на федеративных началах. Эта идея «впервые оказалась увязанной с задачей социальных преобразований в России», что являлось «совершенно новым явлением в русской общественной мысли»³⁸.

Одним из главных выводов данного раздела монографии является следующий: ни о каком объединении славян в единое государство не было и речи в планах ни Южного, ни Северного обществ. Идеи единения славянских народов полностью отсутствуют и в проекте конституции Никиты Муравьева, и в «Русской правде» П.И. Пестеля, в которых рассматривались внутренние преобразования только в России, ее будущая система правления и т.д.³⁹ В записке «Царство Греческое» не было речи ни об объединении южнославянских народов в одно государство, ни о присоединении их к России. Сербы, болгары и босняки должны были войти в состав государства, в котором преобладающие позиции заняли бы греки, как народ наиболее развитой в экономическом и политическом отношении по сравнению с другими подданными султана. Вместе с тем, по мнению Ирины Степановны, «имелась

проблема, входившая в общий комплекс идей славянского единения, которая действительно привлекала большой интерес идеологов декабризма. Она касалась установления русско-польских дружеских контактов, союза и совместных действий русских и польских революционеров»⁴⁰.

Весьма важным представляется вывод исследовательницы о том, что рост значения славянских и балканских проблем в русской общественной мысли был связан с развитием национального самосознания русских, составной частью которого являлось осознание славянского этнического родства. Это повышало интерес к зарубежным славянам, их языкам, культуре и современному положению⁴¹.

Рассмотренная монография И.С. Достян стала значительным явлением в отечественной балканистике. Она и сейчас поражает широким охватом тем, проблем и сюжетов, новизной целого ряда оценок и уникальными документами. Изданная в 1980 г., она «стала в определенной степени ... предшественницей популярных ныне работ, в которых обобщаются разнообразные свидетельства русских о славянских и балканских народах»⁴², — констатировал К.В. Никифоров. И он же дал, на мой взгляд, очень точную и глубокую оценку всех трех монографий Ирины Степановны: «... они... ничуть не устарели, проверка времени ими пройдена, без всякого сомнения. За прошедшие годы ничего лучшего по этой проблематике и периоду... сделано не было... И даже обязательные в те годы ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма... даны весьма умеренно; не мешает восприятию и так называемый "классовый подход"... Книги И.С. Достян базируются на многочисленных архивных и других документальных источниках, на таланте исследователя и на ее искренней любви к балканским народам. А это устареть не может»⁴³.



«Монографический период» в научной деятельности И.С. Достян закончился с публикацией ее третьей монографии, и ... началась «эра коллективных трудов». Следует отметить, что именно они с начала 1980-х годов стали приоритетными в планах Института славяноведения и балканистики. Возможно, это был

необходимый этап развития науки, но очень жаль, что зачастую у исследователей, трудившихся над их созданием, не оставалось ни времени, ни сил для реализации индивидуальных творческих замыслов. Разумеется, Ирина Степановна в этот период писала и публиковала статьи, в том числе за границей, но всё же ключевыми, определяющими для ее научной деятельности 1980-х годов являлись коллективные работы.

Среди них, в первую очередь, следует отметить труд «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.» (М., 1983). Именно с него начиналась серия исследований по истории международных отношений в этом регионе в XVIII — начале XX вв., задуманная В.Н. Виноградовым и осуществленная под его руководством на протяжении последующих 20 лет целым коллективом авторов.

Период 1815–1830 гг. лежал в сфере исследовательских интересов Ирины Степановны, и поэтому вполне понятно ее участие в создании вышеупомянутого труда. Разумеется, некоторые вопросы ею уже были разработаны в книге «Россия и балканский вопрос» и ряде статей. Однако новая работа Ирины Степановны не была «перелицовкой» уже написанного и изданного. Ведь в «Международных отношениях» перед авторами стояла несколько иная задача: не только показать деятельность на Балканах российской дипломатии, но и проанализировать балканскую политику других держав — Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Турции. И авторский коллектив (В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.С. Достян, Л.Е. Семенова, В.И. Шеремет) достойно справился с этой задачей.

В рассматриваемом труде перу И.С. Достян принадлежат 12 параграфов в четырех главах из семи. В них она исследовала следующие вопросы: международная обстановка в Юго-Восточной Европе в 1813–1814 гг.; дипломатическая борьба по балканскому вопросу в период Венского конгресса; международное положение в Юго-Восточной Европе и политика великих европейских держав в отношении Турции, Дунайских княжеств, Сербии и Черногории в 1816–1820 гг.; действия великих держав в балканском вопросе в 1821–1825 гг.; балканская проблема в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Обобщив и проанализировав обширный материал, Ирина Степановна обогатила балканистику и историю международных отношений XIX века обоснованными выводами, относящимися к важнейшим этапам балканского направления международной жизни в 1815–1830 гг. Так, в качестве одного из этих этапов ею был выделен Венский конгресс 1813–1814 гг. и создание Священного союза. Она последовательно рассмотрела позиции и действия в этот период России, Австрии, Англии, Франции и Турции; переговоры об Ионических островах; попытки русского правительства решить сербский вопрос. «В правящих кругах Стамбула и на Западе, — пишет исследовательница, — выражались опасения, что царизм намеревается под прикрытием Священного союза приступить к широкой экспансии на Востоке. Такая версия впоследствии широко распространилась в западноевропейской историографии. Она полностью расходилась с истиной»⁴⁴. И это утверждение подкреплено в книге целым рядом неопровержимых фактов.

Значительное место уделила Ирина Степановна действиям европейских держав в отношении Турции и балканских народов в 1816–1820 гг. Политика Петербурга в этот период, по её определению, «была наиболее активной в Дунайских княжествах и Сербии, внешне сдержанной в отношении греческих земель, очень осторожной в Черногории и пассивной в Болгарии»⁴⁵. В связи с этим Ирина Степановна впервые в историографии ставит вопрос: чем объяснить тот очевидный факт, что такой крупный южнославянский народ как болгары играл в первых десятилетиях XIX в. сравнительно небольшую роль в российской политике в Юго-Восточной Европе? И объясняет это следующим образом. Во-первых, ведя достаточно осторожную и реалистичную политику, царизм не рисковал подрывать власть Порты в том регионе, который составлял опорную базу турецкого владычества на юго-востоке Европы. Во-вторых, болгарские земли пока оставались вдали от крупных международных конфликтов, здесь не происходили массовые восстания населения, а имели место лишь локальные антитурецкие выступления. Среди прочих обстоятельств автором отмечаются и такие факторы как засилие в стране греков-фанариотов, выступавших в Константинополе

от имени болгар, но не в их интересах, а также отсутствие в болгарских землях деятелей, которые бы могли представить национальные интересы болгар перед европейскими кабинетами⁴⁶.

Не меньшее внимание уделила Ирина Степановна политике великих держав, прежде всего России, в отношении Дунайских княжеств в 1816–1820 гг. При этом она рассмотрела не только внешнеполитический аспект темы, но и особенности их внутриполитического и экономического развития.

Обратившись к сербскому вопросу, Ирина Степановна подробно исследовала контакты России с Милошем Обреновичем, стремившимся после завершения Второго сербского восстания (1815 г.) добиться признания Портой своих наследственных прав на княжескую власть в Сербии. Анализируя сложный процесс становления сербской государственности, автор подчеркивает важный момент: основы государственного устройства Сербии Россия разработала исходя из сербских исторических традиций⁴⁷.

Ценным вкладом в историографию явилось дальнейшее глубокое изучение И.С. Достян вопроса о русско-черногорских отношениях после 1814 г. В распоряжении автора оказались документы, из которых следует, что политические контакты между Черногорией и Россией во второй половине 1810-х годов были довольно оживленными, хотя Петербург и старался скрыть их от Порты и венского двора⁴⁸.

Несомненной заслугой И.С. Достян является то, что в данном разделе она обратилась к деятельности главы черногорского государства в этот период — Петра I Петровича Негоша, незаслуженно «забытого» отечественными историками. А ведь именно он не только боролся с племенным сепаратизмом в Черногории, но и вел активную внешнюю политику, целью которой, в первую очередь, было международное признание статуса его страны как независимого государства.

Свой вклад внесла Ирина Степановна и в разработку проблемы «Восточный кризис 20-х годов XIX в.», которая заняла одно из ведущих мест в «Международных отношениях на Балканах. 1815–1830 гг.». Ею были подробно рассмотрены действия великих держав в 1821–1825 гг. в связи с греческой революцией. Наиболее ярко, на мой взгляд, автором была представлена политика

Великобритании. Однако Ирина Степановна не ограничилась изучением лишь внешнеполитического аспекта темы. Интересно ее описание попыток греческих повстанцев привлечь к военному сотрудничеству Черногорию и Сербию, которого, впрочем, не получилось.

В заключительном параграфе главы, посвященной русско-турецкой войне 1828–1829 гг., рассмотрен вопрос о мерах по выработке правительством Николая I конкретной программы действий, начиная с 1827 г., на случай того или иного развития событий на Балканах и Ближнем Востоке. Однако это были всего лишь планы. Ирина Степановна вновь подчеркивает, что «царское правительство совсем не хотело доводить дело до падения Османской империи»⁴⁹.

Второй коллективный труд 1980-х годов, в котором Ирина Степановна выступила не только в качестве автора, но и ответственного редактора, — «Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)» (М., 1986). При написании Предисловия, Заключения и ряда разделов она работала в соавторстве со своими коллегами — В.И. Фрейдзоном, К.И. Логачевым и В.П. Грачевым, но, разумеется, ее вклад в этот труд был значительным.

Уникальность рассматриваемой коллективной монографии заключается в том, что в ней впервые в отечественной историографии изучено формирование национальных государств на Балканах, систематизирован и обобщен сложный комплекс внутренних процессов в ходе их создания, а также показано влияние на эти процессы международной обстановки и политики европейских держав. Наряду с этим, авторы труда проследили формирование идей и программ, касающихся проблем государственности у различных балканских народов.

Как выше уже отмечалось, Ирина Степановна являлась автором ряда разделов: в соавторстве с К.И. Логачевым — «Греческие земли в конце XVIII–начале XIX в. Ионическая республика» и «Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг. и создание Греческого государства»; в соавторстве с В.П. Грачевым — «Формирование сербского национального государства в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг.»;

самостоятельно ею были написаны два раздела: «Борьба за признание автономии Сербского княжества» и «Конституционная проблема в Сербском княжестве в 1830-е годы. Режим уставохранителей».

При рассмотрении данного труда хотелось бы отметить раздел, касающийся Первого сербского восстания. Он был написан с учетом богатейших материалов российских архивов, часть из которых к тому времени уже была опубликована в совместном советско-югославском издании (см. ниже).

Заслуживает внимания анализ внутреннего развития Белградского пашалыка накануне восстания и особенно функционирования органов местного самоуправления, сыгравших важную роль в процессе складывания основ государственного устройства на освобожденной от турецкой власти территории. И, разумеется, здесь детально представлены основные этапы восстания и развития русско-сербских отношений. Это был значительный вклад советских историков, в том числе Ирины Степановны, в разработку, казалось бы, детально изученной югославскими учеными проблемы.

При рассмотрении процессов, происходивших в Сербии после 1815 г., И.С. Достян пришла к выводу, что в этот период в процессе формирования сербской государственности «произошло замедление, но он продолжался, хотя и в менее благоприятных условиях, при сильном вмешательстве со стороны турецких властей»⁵⁰. Интересны материалы о взаимоотношениях князя Милоша Обреновича с русским правительством, которое считало необходимым ограничить его власть Сенатом или Советом. В этой связи весьма важен один из выводов автора: «Русская дипломатия, участвуя в разработке принципов государственного устройства Сербии, конечно, не способствовала насаждению буржуазно-демократических порядков..., но и попыток утвердить в молодом балканском государстве систему власти и порядки, схожие с существовавшими в России, не предпринималось»⁵¹. При анализе социально-политического развития Сербии 1830-х годов Ирина Степановна указала на его специфическую особенность: «... привилегированный слой, формируясь из среды представителей местного самоуправления, а также зажиточных

торговцев и крестьян, тесно срастался с чиновничье-бюрократическим аппаратом княжества»⁵².

1840-е годы в истории Сербского княжества были не менее драматичны. Следует отметить, что в своих более ранних работах Ирина Степановна до этого периода еще не доходила. Представляется, что она совершенно справедливо сосредоточила свое внимание на главных событиях правления в Сербии уставохранителей (защитников Устава), подчеркнув при этом, что Россия была противницей их режима, ориентировавшегося на Австрию.

Проанализировала исследовательница и очень важный документ — внешнеполитическую программу Сербского княжества «Начертание», составленную в 1844 г. министром внутренних дел И. Гарашанином, которая ставила задачу национального освобождения южных славян и их политического объединения под главенством сербской династии, что имело великодержавную направленность.

В 1980-е годы Ирина Степановна активно участвовала также в двух академических проектах, связанных с публикацией архивных документов.

Еще в конце 1970-х годов академик А.Л. Нарочницкий привлек ее к работе над изданием документов «Внешняя политика России XIX и начала XX в. (II серия. 1815–1830)» («ВПР»)»⁵³. Трудиться, как вспоминала Ирина Степановна, приходилось много, сознавая при этом огромную ответственность, так как работа курировалась МИД СССР. В ее обязанности входили отбор тех документов, которые предоставляли исследователям сотрудники Архива внешней политики России (ныне — АВПРИ), а также участие в регулярных заседаниях редколлегии и встречах издателей с мидовским начальством, ответственным за публикацию и осуществлявшим постоянный контроль.

Наряду с «ВПР», Ирина Степановна участвовала в работе над публикацией документов из отечественных архивов «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» (М., 1980–1983. Кн. I–II). Она являлась ответственным редактором II-й книги (вместе с югославским академиком В. Чубриловичем), а также одним из составителей и комментаторов этого советско-югославского издания.

Публикация включает уникальные, в большинстве своем ранее не известные документы, которые впервые систематизированно освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX в., в том числе вопросы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи, о поездках сербских депутатов в Петербург и штаб Молдавской армии и др.

1990-е годы, уже ушедшие в историю, были непростым временем — и в житейском, и в профессиональном плане. И хотя сейчас модно провозглашать, что с началом перестройки и борьбы против догматизма и схематизма в исторической науке произошел коренной перелом, я не могу в полной мере приложить данное утверждение к трудам большинства моих коллег — славистов и балканистов старшего поколения, в том числе И.С. Достян. Да, разумеется, в советскую эпоху ученые часто делали обязательные для того периода «марксистские реверансы», но это не влияло на качество их научных трудов. Они всегда старались, опираясь на документы и факты, уходить от прямолинейных и односторонних оценок и, несмотря на трудности переходного периода, остались верными своему призванию.

«Демократка» — так в последние годы своей жизни иронично называл Ирину Степановну академик Ю.А. Писарев (1916–1993), имея в виду ее неизменно одобрительные высказывания по поводу перемен в политической жизни страны. Но еще и потому, что она написала «статью против классиков» — так мы, «секторские», окрестили ее произведение, опубликованное в журнале «Советское славяноведение» в 1991 г. (№ 2) под названием «Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса»⁵⁴. На мой взгляд, эта статья занимает особое место среди трудов И.С. Достян, в концентрированном виде демонстрируя ее профессионализм и достижения в изучении одной из важнейших исторических проблем. Первоначально, как поведала мне однажды Ирина Степановна, статья предназначалась для журнала «Вопросы истории», но даже в 1990 г. руководство этого издания, видимо, сочло ее чересчур новаторской и отказалось печатать.

Следует подчеркнуть, что основные положения этой работы не были для научного творчества Ирины Степановны чем-то абсолютно новым, как говорится, «разворотом на 180 градусов».

Мы, ее коллеги по сектору, были уже знакомы с ними и неоднократно слышали их в 1970-е годы, во время обсуждения различных трудов о балканской политике России на наших заседаниях и на теоретических семинарах (была такая форма научных собраний по секторам, теперь уже забытая). Помню, какое впечатление на меня, в то время молодую сотрудницу, недавнюю выпускницу МГУ, прошедшую суровую идеологическую школу истфака (о классиках можно было говорить лишь с пиететом и благоговением перед их бессмертными, не подлежащими сомнению выводами), произвела, мягко говоря, иная точка зрения. И было это задолго до перестройки. Ирина Степановна считала, что Маркс и Энгельс были, прежде всего, революционерами и на политику царизма в Восточном вопросе смотрели с точки зрения революции, а, значит, односторонне. К тому же в их распоряжении было очень мало достоверных источников, которые впоследствии стали известны ученым. Именно поэтому оценки классиков марксизма не могут в полной мере отражать суть процессов, происходивших на Балканах, и это нужно учитывать. Подчеркну, что это говорилось не в наши дни, а в те годы, когда научная статья, монография, диссертация обязательно должны были начинаться с цитат «из классиков» (дело доходило до анекдотических ситуаций типа: «Маркс писал, что Дунай — большая река»). Так что у Ю.А. Писарева были все основания называть Ирину Степановну «демократкой». Вспоминая сейчас то время, думаю, что она пришла к выводу о «заблуждениях» классиков постепенно, по мере углубления своих «балканских» исследований. И это жило в ней задолго до того, когда на критику и несогласие со взглядами Маркса и Энгельса было «дано» разрешение. Жило, не давало ей покоя как ученому и гражданину и время от времени прорывалось на свободу...

В вышеуказанной статье Ирина Степановна развивает свою точку зрения по данному вопросу. По её мнению, у Маркса и Энгельса в отношении России и ее внешней политики была «достаточно стройная и четкая концепция». Для них было очевидным, что «от турок следует освободиться»⁵⁵, но не Россия должна осуществить эту задачу, а европейская революция. При этом, не будучи «беспристрастными исследователями междунаро-

ной жизни Европы», подчеркивает автор, классики марксизма использовали в качестве источников для своих работ по внешней политике царизма публицистику и литературу русофобско-туркофильского толка, получившие значительное распространение в Западной Европе в 1840–1870-е годы⁵⁶.

В своей статье Ирина Степановна, с позиции науки конца XX в., прослеживает основные этапы балканской политики России, начиная с эпохи Екатерины II и русско-турецкой войны 1768–1774 гг., показывает особенности политики России в отношении отдельных балканских народов, ее просчеты, неудачи, иногда грубые методы в отношении слабой стороны. Ссылаясь на уже существующую научную литературу, она приводит устоявшиеся в отечественной историографии мнения. При чтении этой статьи вас не покидает ощущение, что исследовательница, в свойственной ей спокойной манере, как бы ведет дискуссию, полемизирует с Марксом и Энгельсом по поводу их высказываний по тем же вопросам, какими долгие годы занималась она сама. И в качестве аргумента в защиту своей позиции Ирина Степановна указывает на целый ряд неточностей в работах классиков, ошибочных утверждений, не соответствующих реальным фактам (о балканской политике Николая I, об Ункяр-Искелесийском договоре 1833 г., о согласованном австро-русском плане уничтожения и раздела Османской империи, о «русских агентах» на Балканах, о целях царизма в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и др.). При этом Ирина Степановна вовсе не «охаивает» классиков, как это порой случается в литературе последних десятилетий, она старается подходить к их взглядам с научной объективностью и, понимает-ся, она не на «стороне царизма». Так, говоря об объективно-прогрессивных результатах политики России в отношении Турции и балканских народов, Ирина Степановна пишет: «Однако вряд ли следует эту формулу абсолютизировать, превращать в ключ к пониманию балканской политики царизма, в критерий ее оценки. Такой подход вел бы к разрыву целей и результатов этой политики. Между тем на ее результаты активно влияли своекорыстные цели царизма»⁵⁷.

Ирина Степановна подчеркивает, что высказывания классиков — «нередко меткие и верные» — помогают избежать идеа-

лизации курса царского правительства в отношении балканских народов, преуменьшения его корыстных целей, приукрашивания русско-балканских связей. Но их концепция данных проблем не может служить ключом к пониманию характера, целей и результатов российской политики в Восточном вопросе.

В этой работе Ирина Степановна фактически призвала ученых, своих коллег, отказаться от прежнего подхода к наследию Маркса и Энгельса и рассматривать их концепцию внешней политики царизма, в частности, политики в Восточном вопросе, лишь «как одно из направлений революционной западноевропейской мысли»⁵⁸.

Помимо «статьи против классиков», в 1990-е годы Ирина Степановна опубликовала еще несколько интересных работ, в том числе по историографии Восточного вопроса, о национально-освободительной борьбе балканских народов и др. Но всё же главным в ее научной деятельности, как и в 1980-е годы, было участие в коллективных обобщающих трудах.

На мой взгляд, в этот период исследовательница переживала свой «научный Ренессанс». Может быть, это следует обозначить как-то иначе, но факт остается фактом — в исследование своих «любимых» тем ей удалось внести немало нового.

Именно это можно сказать, к примеру, об ее участии в труде «Александр I, Наполеон и Балканы» (Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997.). В нем речь вновь идет о балканской политике России, но наряду с этим значительное внимание уделено международной обстановке конца XVIII — начала XIX вв. В разделе «Балканская панорама» Ирина Степановна специально останавливается на вопросе о ситуации в Черногории и русско-черногорских контактах с конца XVIII в. (в период правления императора Павла I). Попутно заметим, что в книге «Россия и балканский вопрос» об этом почти ничего не говорилось. В «Балканской панораме» исследовательница рассмотрела конфликт между русским правительством и черногорским митрополитом Петром I Негошем в начале XIX в., о чем раньше замалчивалось в отечественной историографии. Наряду с этим в разделе «Возрождаемая балканская государственность» Ирина Степановна представила краткий перечень планов, программ и проектов

возрождения балканских государств, начиная с XVIII в., принадлежавших как русским, так и балканским деятелям. «...по-степенно, — пишет она, — обрисовывались контуры возрождения балканской государственности на национальной основе. И сколь бы корыстны ни были мечты самодержавия о гегемонии в регионе, в проектах наличествовало здоровое ядро, мысль о перекройке карты Юго-Восточной Европы по национальному признаку»⁵⁹.

Особая тема в научном творчестве Ирины Степановны в 1990-е годы — роль православной религии и сербской церкви в процессе складывания сербской нации. В своих работах, написанных в предшествующие десятилетия, она, разумеется, уже затрагивала эту проблему, однако раньше изучать ее специально не было принято. И вот теперь Ирина Степановна получила возможность высказаться и по этому поводу, а также ввести в научный оборот новые документы. По вышеуказанной теме она вначале опубликовала небольшую статью⁶⁰, в которой рассмотрела три периода в деятельности Печской патриархии (1557–1766 гг.), а также привела интересные факты из истории русско-балканских связей по линии церкви. Более подробно эта тема была ею раскрыта в обобщающем коллективном труде «Роль религии в формировании южнославянских наций» (М., 1999), для которого она написала раздел «Православная церковь и складывание сербской нации» (в соавторстве с А.В. Карасевым, однако большая часть текста принадлежит перу Ирины Степановны). В этой работе дан аналитический очерк истории сербской православной церкви, начиная с эпохи раннего Средневековья, подчеркиваются ее значение в эпоху турецкого господства и решающая роль в этносоциальном объединении сербского народа.

Глубокое знание всех периодов сербской истории позволило Ирине Степановне прийти к целому ряду важных выводов. Так, она подчеркивает значение деятельности духовенства для упрочения национального единства сербов, закрепления общности их обычаев и исторических традиций, что в начале XIX в. «облегчило борьбу... за освобождение от турецкой власти»⁶¹. По мнению автора, уничтожение в 1766 г. Печской патриархии не нанесло существенного урона национальным интересам сербов, так как уже «появились новые организационные центры православия,

сыгравшие роль в национальном развитии югославянских народов, в их освободительной борьбе», — Карловацкая митрополия и Черногория (во время правления митрополитов из династии Петровичей)⁶².

Бесспорной заслугой Ирины Степановны является то, что она подробно изучила вопрос о «специфических условиях» развития православной церкви в Черногории, связанных с особым статусом последней в составе Османской империи (с конца XVIII в. она фактически стала независимой от Порты). В таком аспекте данная проблема в отечественной историографии еще не рассматривалась. Разумеется, многие вопросы, которые были затронуты автором, еще нуждаются в более глубоком исследовании. И, тем не менее, Ирине Степановне удалось представить общую картину развития православной церкви в Черногории, имевшей большое значение в формировании национального самосознания черногорского народа, а также показать роль отдельных выдающихся деятелей в данном процессе.

В этом труде Ирина Степановна обратилась также к вопросу о роли православной церкви в Воеводине, имевшей свою, отличную от Сербии, историческую судьбу, так как Воеводина входила в состав сначала Австрии, а затем Австро-Венгрии. При этом, замечает автор, «сколько-нибудь значительной германизации или мадьяризации сербов не наблюдалось. Оберегателем религиозного единства, а потому и национальной общности, выступило православное духовенство, что в значительной мере поддерживало его высокий авторитет»⁶³.

В 1997 г. появился еще один труд с участием И.С. Достян — «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв.».

Ирина Степановна является автором двух его разделов: «Сербия и черногорцы в борьбе за национальное освобождение» и «Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.)», в которых она кратко изложила историю Сербии и Черногории в указанный период, выделив ключевые проблемы. Наряду с этим здесь представлен весьма впечатляющий истори-

ческий портрет князя Милоша Обреновича, вождя Второго сербского восстания. По оценке Ирины Степановны, он — «сильная фигура в сербской истории», человек противоречивый, а с моральной точки зрения «отвратительный». И, тем не менее, при нем «престиж и влияние автономного Сербского княжества постепенно распространялись. Притягательный центр сербского освободительного движения в 1830-е гг. фактически определился»⁶⁴.

Отличительной чертой Ирины Степановны как ученого являлось то, что в своих исследованиях она очень уверенно и смело «шагала» по столетиям. Вот только что пребывала в Сербии и Черногории накануне Крымской войны, а теперь приглашает нас, своих читателей, в Средневековье. В данном случае речь идет о коллективном институтском труде «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.» (Ч. 1. М., 1998; Ч. 2. М., 2001). В дружный коллектив медиевистов Ирина Степановна была приглашена как специалист по международным отношениям на Балканах. Разумеется, историография, проблемы и сюжеты данной темы ей были хорошо известны — еще со времени работы над «Историей Югославии». На этот раз задача заключалась в том, чтобы обобщить имевшийся в ее распоряжении материал и сделать необходимые выводы, с чем она прекрасно справилась. В разделах, написанных Ириной Степановной, затронут целый комплекс вопросов: балканские народы в составе Османской империи; политика европейских государств в этом регионе; балканские народы и Россия; освободительное движение на Балканах. Очень важен один из главных выводов, сделанный исследовательницей: «Исламизация и колонизация балканских земель мусульманами всё же не изменила существенно конфессиональной принадлежности и демографии большей части полуострова, однако создала слой населения, духовно привязанный к Османской империи, рассчитывающий на ее защиту. Это, несомненно, разобщило национальные общности, затрудняло контакты между ними, что препятствовало развитию освободительного движения. С другой стороны, курс, направленный на притеснение таких общественных слоев как духовенство, феодалы-христиане, привилегированная раяя, стимулировал борьбу за освобождение от власти султана»⁶⁵. Авто-

ром также был отмечен ряд особенностей в отношении Порты к своим подданным, указаны различия в положении отдельных областей и районов Балкан, находившихся под властью османов.

Говоря об антиосманском освободительном движении балканских народов в XVII в. и его основных формах, Ирина Степановна привела немало новых фактов, особенно об участии греков и южных славян в войнах Австрии и Венецианской республики с Турцией. Документы свидетельствуют о том, что с началом соперничества в борьбе за политическое влияние в регионе между Россией и Австрией возросла роль балканских народов в общем комплексе международных отношений в Юго-Восточной Европе. При этом Россия опиралась на религиозную общность, этническую и языковую близость с народами Балкан, а Австрия использовала географический фактор, экономические связи, наличие в самой Империи районов с компактными поселениями сербов⁶⁶.

Ирина Степановна прожила 80 лет в XX веке и вместе с нами вступила в XXI столетие. Она продолжала работать, не утратив интереса к науке. Ее перу принадлежат несколько опубликованных в этот период статей⁶⁷, как всегда познавательных, логично выстроенных. В планах Ирины Степановны было написание научно-популярной истории Сербии (начиная со Средневековья и до середины XIX в.), а также труда по отечественной историографии проблемы «Россия и Балканы». К сожалению, им не суждено было осуществиться.



Шесть десятилетий отдала служению науке Ирина Степановна Достян. Вся ее творческая жизнь прошла в Институте — начиная с 30 декабря 1948 г. Наряду с этим в разные годы она являлась членом Ученого и Диссертационного советов, возглавляла профком Института и никогда не уклонялась от участия в институтской общественной жизни.

Ирина Степановна работала методично, даже педантично, без суеты и поспешности, но увлеченно. Она была настоящим ученым, и поэтому ее труды не подвержены конъюнктуре. На всех работах Ирины Степановны незримо присутствует знак высокого качества. Фамилия Достян, предварявшая публикацию статьи,

монографии, раздела в коллективном труде или рецензии, означала, что читателю предлагается не очередной заумный опус и не наукообразная «скороспелка», а основательная, интересная работа, результат кропотливого труда авторитетного ученого.

Ирина Степановна всегда внимательно относилась к коллегам — своими советами, рекомендациями она очень помогала им в работе, а также публиковала рецензии на их труды: на монографии Г.Л. Арша, В.И. Шеремета, молдавского историка Г.С. Гросул, болгарских ученых С. Димитрова и К. Манчева, академика Н. Тодорова, на ряд томов издания «ВПР», на несколько коллективных трудов коллег из Института отечественной истории РАН и др.

В разные годы Ирина Степановна достойно представляла отечественную науку за рубежом. Ее статьи публиковались в солидных научных изданиях бывшей Югославии, Румынии, Австрии, Греции. В этих странах, а также в Турции она с успехом выступала с докладами на различных научных форумах.

Особая тема — «И.С. Достян и молодежь». У нее было немало официальных учеников-аспирантов (в их числе — директор нашего Института К.В. Никифоров и профессор МГИМО Я.В. Вишняков), однако она стала Учителем, Наставником для большинства ее последователей. Она рецензировала практически все работы, подготавливаемые в секторе (отделе), участвовала в их обсуждении, высказывая в деликатной форме ценные замечания, оппонировала на защитах диссертаций. Кроме того, она выступила в качестве ответственного редактора монографий Ю.П. Аншакова и О.В. Хавановой, ныне докторов наук. «Я видел очень мало ученых с такой доброжелательной позицией по отношению к молодым», — вспоминал об Ирине Степановне А.Л. Шемякин⁶⁸.



Вклад Ирины Степановны Достян в отечественную историческую науку бесспорен и признан в нашей стране и за рубежом.

«Классик отечественной балканистики» — таково мнение о ней большинства ее коллег. Известный историк В.М. Хевролина считала И.С. Достян «одним из выдающихся представи-

телей современной славистики и балканистики», «зачинателем школы российских исследователей по проблемам балканистики и особенно сербистики»⁶⁹. «По ее работам нужно учить молодых писать научные труды, — подчеркивает К.В. Никифоров. — Ирина Степановна олицетворяет академический стиль в науке и даже свое научное поколение в целом, когда планка научного творчества стояла очень высоко»⁷⁰. К ее трудам с большим уважением относились зарубежные коллеги: югославские историки — академики В. Чубрилович, Сл. Гаврилович и М. Экмечич; болгарский академик Н. Тодоров; американские балканисты Б. и Ч. Елавичи и многие другие.

Но как бы важны и интересны ни были труды Ирины Степановны, они не могут в полной мере обозначить ее роль в развитии славяноведения и балканистики в целом и нашего Института, в частности. Ее эрудиция, широкий кругозор, в высшей степени добросовестное отношение к избранной еще в юности специальности, истинная интеллигентность, принципиальность, житейская мудрость, необычайная душевность и доброта всегда притягивали к ней людей, представителей разных поколений, которые учились у нее, не будучи формально ее учениками.

Возможно не всё в жизни Ирины Степановны получилось соразмерно ее таланту и знаниям. Это объяснимо, если вспомнить время, в котором прошла бóльшая часть ее жизни. Однако бесспорно одно: ее научное наследие — это гордость нашей исторической науки, ее вклад в мировую славистику и балканистику.



Уже 10 лет Ирины Степановны нет с нами. Но мы ее не забыли, нам ее не хватает. И это, мне кажется, очень важный итог ее земной жизни. След этой жизни — не только в ее, но и в наших трудах, которые мы стараемся писать в тех же традициях, каких придерживалась она. И еще мы стараемся следовать заложенным при Ирине Степановне и с ее активным участием принципам академического общения в Институте и Отделе — дружеские отношения, неприятие склок и интриг, поддержание творческой атмосферы в коллективе, взаимопомощь, забота о молодом поколении и его научном росте, верность своей профессии.

Примечания

- ¹ *Бирман М.А.* О В.И. Пичете и «пичетнике» (К истории создания Института славяноведения) // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 26.
- ² *Достян И.С.* У истоков // Как это было... С. 28.
- ³ История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 180.
- ⁴ Там же. С. 204.
- ⁵ *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958. С. 32.
- ⁶ Там же. С. 167–168.
- ⁷ Там же. С. 168.
- ⁸ Там же. С. 169.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Никифоров К.В.* Три монографии И.С. Достян // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 66.
- ¹¹ История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 140.
- ¹² *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 333–334.
- ¹³ См.: *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России в первой половине XIX века. М., 1963; *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956.
- ¹⁴ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. С. 335.
- ¹⁵ Там же. С. 335–336.
- ¹⁶ Там же. С. 336.
- ¹⁷ Там же. С. 337–338.
- ¹⁸ *Виноградов В.Н.* Вступительное слово // В «интерьере» Балкан. С. 8.
- ¹⁹ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. С. 338.
- ²⁰ Там же. С. 340.
- ²¹ Там же. С. 79.
- ²² *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 3.
- ²³ Там же. С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 38.
- ²⁵ Там же. С. 117.
- ²⁶ Там же. С. 160.
- ²⁷ Там же. С. 42–43.
- ²⁸ Там же. С. 63.
- ²⁹ Там же. С. 67–68.
- ³⁰ Там же. С. 180.
- ³¹ Там же. С. 102.
- ³² Там же. С. 267.
- ³³ Там же. С. 239.

- 34 Сыроечковский Б.Е. Балканская проблема в политических планах декабристов // Очерки по истории движения декабристов. М., 1954. С. 219–228.
- 35 Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 345–346, 464.
- 36 Достян И.С. Русская общественная мысль. С. 246.
- 37 Там же. С. 251, 252.
- 38 Там же. С. 301.
- 39 Там же. С. 313.
- 40 Там же. С. 314.
- 41 Там же. С. 319.
- 42 Никифоров К.В. Три монографии И.С. Достян. С. 72.
- 43 Там же. С. 78.
- 44 Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 61.
- 45 Там же. С. 80.
- 46 Там же. С. 82.
- 47 Там же. С. 90.
- 48 Там же. С. 95.
- 49 Там же. С. 234.
- 50 Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 114.
- 51 Там же. С. 121.
- 52 Там же. С. 122.
- 53 Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел. Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. Серия I. 1801–1815. М., 1960–1972. Т. 1–8; серия II. 1815–1830. М., 1974–1985. Т. 1–6.
- 54 См. также статью И.С. Достян «Политика России в восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука» // Славянские народы: общность истории и культуры. Сб. статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В.К. Волкова. М., 2000.
- 55 Достян И.С. Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса // Советское славяноведение. 1991. №2. С. 3.
- 56 Там же. С. 5.
- 57 Там же. С. 7.
- 58 Там же. С. 15.
- 59 Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18. С. 236.
- 60 Достян И.С. Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI–XVIII вв. // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17.
- 61 Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 152.
- 62 Там же.
- 63 Там же. С. 161.
- 64 На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997. С. 91.
- 65 Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1. С. 245.
- 66 Там же. М., 2001. Ч. 2. С. 374.

- ⁶⁷ См.: *Достян И.С.* Политика России в Восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука // *Славянские народы: общность истории и культуры / Сборник статей, посвященный 70-летию член-корр. РАН В.К. Волкова / ???? М., 2000; она же.* Сербская революция и развитие русско-югославских общественных связей // *Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804–1813 гг. М., 2005; она же.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — новый этап политики России в Балканском вопросе // *Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.*
- ⁶⁸ См.: *Данченко С.И.* Ирина Степановна Достян. Портрет в «интерьере» Балкан // *В «интерьере» Балкан. С. 55.*
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 35.